DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.092-105

Ю. С. Караваева*

Место социального статуса и роли в механизме умышленного преступного поведения

Аннотация. Составы некоторых преступлений предполагают наличие у субъекта специальных признаков, указанных в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона. Анализ этих признаков позволяет относить их к статусно-ролевым характеристикам личности, что обуславливает возможность использования социологической теории социальных статусов и ролей в целях криминологического изучения механизма умышленного преступного поведения и места в нем указанных характеристик. С учетом сложившегося представления об элементах механизма преступного поведения обосновывается влияние социального статуса и роли личности на ее нравственное формирование, возникновение и развитие криминальной мотивации, значение для конкретной жизненной ситуации и самого процесса совершения преступления. Вместе с тем автор воздерживается от вывода о наличии причинной связи между статусно-ролевым положением лица и совершением преступления, а взяв за основу социологические исследования, приходит к заключению о том, что социальный статус и роль предопределяют, с одной стороны, содержание и характер взаимодействий индивида с обществом, а с другой — оказывают влияние на личностные характеристики индивида, его потребности, систему ценностей, корректируя их. Иными словами, применительно к механизму умышленного преступного поведения социальный статус и роль имеют двоякое значение, поскольку выступают и внутренними условиями, и внешними факторами его совершения. Так, в качестве внутренних условий они обуславливают появление у личности таких особенностей, которые отражаются и на особенностях социальной перцепции, мотивообразования и целеполагания. А выступая в качестве внешних факторов, социальный статус и роль характеризуют конкретную жизненную ситуацию, в которой совершается преступление и которая, будучи осознанной виновным, также влияет на процессы мотивообразования и целеполагания.

Ключевые слова: социальный статус; социальная роль; механизм умышленного преступного поведения; мотивация; личность преступника; конкретная жизненная ситуация.

Для цитирования: Караваева Ю. С. Место социального статуса и роли в механизме умышленного преступного поведения // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 2. — С. 92—105. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.092-105.

The Place and Role of a Social Status in the Mechanism of Intentional Criminal Behaviour

Yulia S. Karavayeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Business Law, National Research University "Higher School of Economics" (HSE — Perm)
ul. Stencheskaya, d. 38, Perm, Russia, 614017
chimtarga2016@mail.ru

Abstract. Elements of some crimes suggest that the subject has special features specified in the disposition of the relevant article of the Special Part of the Criminal Law. The analysis of these features allows to attribute them to the status and role characteristics of the personality, which causes the possibility of using the sociological theory

© Караваева Ю. С., 2020

* Караваева Юлия Станиславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ — Пермь)

Студенческая ул., д. 38, г. Пермь, Россия, 614017
chimtarga2016@mail.ru

of social statuses and roles in order to carry out a criminological study of the mechanism of intentional criminal behavior and the place characteristics under consideration take. Taking into account the existing idea concerning the elements of the mechanism of criminal behavior, the author substantiates the influence of social status and role of the individual on its moral formation, emergence and development of criminal motivation, significance for the particular life situation and the process of committing the crime. At the same time, the author refrains from concluding that there is a causal link between the status and role of a person and the commission of a crime, and, relying on the results of sociological research, comes to the conclusion that the social status and role determine, on the one hand, the content and nature of interactions between the individual and the society, and, on the other hand, make an impact on personal characteristics of the individual, his needs and the system of values adjusting them to each other. In other words, with regard to the mechanism of intentional criminal conduct, the social status and role are of dual importance, as they amount to both internal conditions and external factors. Thus, as internal conditions, they cause the emergence of the personality of such features, which are implemented as the features of social perception, motivation and goal-setting. Acting as external factors, the social status and role characterize the specific life situation in which the crime is committed and which, as the offender is aware of them, also affect the motivation and goal-setting processes.

Keywords: social status; social role; mechanism of intentional criminal behavior; motivation; personality of the offender; specific life situation.

Cite as: Karavaeva YuS. Mesto sotsialnogo statusa i roli v mekhanizme umyshlennogo prestupnogo povedeniya [The Place of Social Status and role in the Mechanism of Premeditated Criminal Behavior. *Lex russica*. 2020;73(2):92—105. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.092-105. (In Russ., abstract in Eng.).

1. Понятие социального статуса и роли в социологических исследованиях

Теория социальных статусов и ролей возникла в рамках социологической науки в 30-е гг. прошлого века. Среди ученых, занимавшихся разработкой ее отдельных положений, можно назвать представителей школ структурного функционализма и символического интеракционизма — М. Вебера, Р. Линтона, Р. Мертон, Дж. Мида, Т. Парсонса, Т. Шибутани. В отечественной науке над этой теорией работали такие ученые, как И. С. Кон, В. Г. Немировский, Д. Д. Невирко, В. А. Ядов. Исходя из сложившихся подходов к понятиям социального статуса и роли личности, можно говорить об использовании их в целях объяснения сложившихся механизмов социального взаимодействия, изучения личности в контексте этого взаимодействия и определения места отдельного индивида в социальной системе.

В частности, в работах М. Вебера социальный статус понимается как «положение, место

человека или группы в обществе» и связывается с социальным признанием или престижем¹. Р. Линтон рассматривает социальный статус как определенную позицию индивида в структуре социальных отношений, обусловленную естественными и социальными характеристиками, и связанную с ней совокупность прав и обязанностей². Выполнение последних связано с социальной ролью как предписанным и ожидаемым поведением личности, которая занимает определенное положение в обществе³. Отсюда социальная роль есть то, «что должен делать индивид для подтверждения своего статуса»⁴.

Один из первых разработчиков теории, Т. Парсонс, признавая статус и роль элементарными единицами социальной системы, указывает на наличие прямой связи между конкретными статусом и ролью отдельного индивида и характером его взаимодействий с другими членами общества. При этом социальный статус, выступая характеристикой позиционного участия индивида в системе общественных взаимодействий, определяется как «...место

¹ Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 171—173.

² Цит. по: Санникова О. О. Трансформация социальных статусов и ролей в обществе постмодерна : дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. С. 90.

³ Цит. по: Романова Н. П. Социальный статус как интегративный показатель положения человека в обществе: гендерный аспект // Вестник Забайкальского государственного университета. 2009. № 3. С. 132—138.

⁴ Линтон Р. Культурные основания личности // Антология исследований культуры. Символическое поле культуры / сост. Л. А. Мостова ; пер. Е. М. Галахова [и др.]. М., 2011. С. 74—114.

в системе отношений... то, каким образом актор (деятель. — Ю. К.) размещен в социальной системе относительно других акторов»⁵. Что касается социальной роли, то она указывает на процессуальный аспект, то есть на функциональное значение индивида в рамках социальной системы. Ученый связывает реализацию роли с ожиданиями окружающих — экспектациями⁶, которые опосредуют процессы взаимодействия индивида с другими членами общества. При этом любое его социально значимое поведение понимается как соответствующее этим ожиданиям и одновременно обусловленное собственными субъективными ожиданиями конкретного поведения от других членов общества.

Американский социолог Р. Мертон в развитие идей Т. Парсонса определил социальную структуру как «...расположение социальных позиций, которые в форме ролей и статусов определяют индивидуальное поведение»⁷. Дж. Мид понимал социальную роль как систему предписаний, поставив ее в зависимость от статуса и связывая ее с понятием ожидаемого поведения⁸. Развивая эту идею, Т. Шибутани связывал значение социальной роли индивида как члена определенной социальной группы с тем, что в процессе многократного повторения определенных действий членами общества складываются взаимные ожидания-требования (экспектации) и процедуры для «приведения к порядку тех, кто отклоняется от норм»⁹.

Таким образом, социологи выделили характеристики социального статуса и роли, которые для настоящего исследования представляются имеющими ключевое значение. Речь идет о том, что содержание и характер поведения индивида, занимающего тот или иной социальный статус, должны строго соответствовать сложившемуся набору ролевых предписаний и ожиданий. Этот вывод ставит перед исследователем вопрос о роли личностного начала в реализации статусно-ролевых возможностей.

2. Использование статусно-ролевой теории для изучения механизма умышленного преступного поведения

В основе использования выводов социологической науки для целей криминологического объяснения преступного поведения лежит, во-первых, социальная природа преступления, которое является поведенческим актом, ставящим под угрозу охраняемые общественные отношения, блага и ценности. Во-вторых, часть деяний, находящихся под уголовно-правовым запретом, может быть совершена лишь лицами, обладающими, помимо общих признаков субъекта преступления, дополнительными, специально указанными в уголовно-правовой норме. В теории уголовного права указанные субъекты именуются специальными субъектами преступления, а обращение к содержанию этих дополнительных признаков позволяет говорить о возможности их отнесения к статусно-ролевым характеристикам лица, совершившего преступление¹⁰.

Важно, что мысль о взаимосвязи социального положения лица с особенностями его поведения высказывалась ранее. В частности, В. А. Номоконов отмечает следующее: «Как показывают специальные исследования, содержание и направленность поведения человека определяется прежде всего местом его в системе общественных отношений»¹¹. Однако представляется, что вопрос о криминологическом значении статусно-ролевых характеристик личности преступника изучен недостаточно, поскольку авторами это значение как бы презюмируется, но не исследуется подробно. Мы предполагаем, что привлечение возможностей междисциплинарного подхода, прежде всего — социологии и социальной психологии, в рамках которых была разработана теория социальных статусов и ролей, позволит объяснить специфику взаимосвязи статусно-ролевых характеристик личности преступника и его личностных

⁵ Парсонс Т. О социальных системах / под ред. С. А. Белановского, В. Ф. Чесноковой. М., 2002. С. 97.

⁶ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. С. 121.

⁷ Желтов В. В. История западной социологии: этапы, идеи, школы : учеб. пособие. М., 2010. С. 722.

⁸ Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренкова. М., 1994. С. 217—218.

⁹ Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В. Б. Ольшанского. Ростов н/Д, 1999. С. 37.

¹⁰ Караваева Ю. С. Специальный субъект преступления: криминологический анализ. Пермь, 2018. С. 18.

¹¹ Номоконов В. А. Преступное поведение: механизм детерминации, причины, ответственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 9.

нормативно-ценностных особенностей и тем самым определить место социального статуса и роли в механизме преступного поведения.

Последнее в криминологии понимается как «идеальная модель взаимодействия личности и внешней среды, реализуемого в совершении конкретного преступления»¹². К его основным элементам принято относить: условия нравственного формирования личности, мотивацию, конкретную жизненную ситуацию, решение о совершении преступления и сам процесс совершения преступления (поведенческий акт)¹³. Некоторыми авторами выделяется и такой элемент, как посткриминальное поведение¹⁴. С учетом обозначенной структуры очевидна связь механизма преступления с вопросами причин и детерминант преступного поведения, а также личности преступника. Однако исходя из тезиса о влиянии социального статуса индивида на его поведение интерес представляет вопрос о том, может ли это влияние иметь криминогенный характер, и если может, то какова степень такого влияния.

3. Социальный статус и роль личности как условия ее нравственного формирования

В учебнике по криминологии 1994 г. под авторством преподавателей Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова указанный элемент, обозначаемый как «формирование личностной позиции», выводится за рамки вопроса о механизме преступного поведения и связывается с изучением его глубинных причин и условий¹⁵. Мы не можем согласиться с указанным мнением хотя бы потому, что обойти вниманием особенности статусно-ролевого

влияния на формирование личностной позиции преступника означает ограничиться лишь толкованием ранее сложившихся подходов к механизму преступного поведения. При этом само понятие личностной позиции, охватывающее ориентации, интересы, эмоциональные состояния личности и потребности, лежащие в основе их формирования, представляется нам удачным.

Как отмечает В. Н. Кудрявцев, на процесс развития личности влияет среда ее обитания¹⁶. Отсюда условия нравственного формирования личности как элемент механизма преступного поведения следует связывать прежде всего с системой морально-нравственных представлений, сложившихся в обществе. На основе их усвоения индивид формирует собственную систему ценностей, которая как минимум не противоречит ей. Вместе с тем невозможно не согласиться с тем, что система ценностных ориентиров на уровне общества (общечеловеческие ценности) может видоизменяться применительно к уровню отдельных социальных групп, в том числе выделенных по признаку общих статусно-ролевых характеристик их членов.

Как отмечает А. В. Симоненко, «ценностное отношение формируется в процессе деятельности и реализуется через деятельность»¹⁷. В рамках советской психологической науки Б. Г. Ананьевым была высказана мысль о том, что «...доминантными структурными единицами в личности являются социальные качества, сформированные на основе статуса, социальных функций и опыта фактической деятельности»¹⁸. Обозначенные суждения объясняют природу явлений профессиональной деформации, корпоративной солидарности («круговой поруки»), выступающих результатом усвоения

¹² См., например: *Игнатов А. Н.* О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6—7. С. 126—132.

¹³ *Игнатов А. Н.* О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления». С. 126—132.

¹⁴ См., например: *Плешаков В. А.* Введение в криминологическую теорию ситуации, или в ситуационную криминологию // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1 (76). С. 100—106.

¹⁵ Криминология. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 114—115.

¹⁶ *Кудрявцев В. Н.* Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения). М.: Юрид. лит., 1968. С. 30—31.

¹⁷ *Симоненко А. В.* Система ценностных ориентаций в механизме преступного поведения личности // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2012. № 1 (20). С. 58—62.

¹⁸ *Ананьев Б. Г., Палей И. М.* О психологической структуре личности // Проблемы личности. М., 1969. С. 50.

¹⁹ *Варыгин А.* Особенности воздействия на преступность сотрудников органов внутренних дел // Уголовное право. 2003. № 3. С. 123—125.

индивидом системы ценностей, убеждений и взглядов, сопутствующих тому или иному профессиональному, должностному или служебному социальному статусу и роли. В этой связи актуально замечание А. Варыгина о том, что «...давно замечены различные воззрения на мораль, право, поступки у лиц с различным характером выполняемого труда. Род деятельности преступника часто определяет его потребности, интересы, круг общения...»¹⁹. В социальной психологии подобное явление объясняется тем, что «существуют такие личностные качества, которые особенно значимы для группы, для данных условий деятельности. Будучи закреплены в оценках, они в определенном смысле как бы “предписываются” членам группы»²⁰.

Таким образом, статусно-ролевые характеристики оказывают влияние на нравственно-нормативную составляющую структуры личности носителя этих характеристик. Этот вывод не является открытием для ученых, занимавшихся в разное время исследованиями детерминант преступного поведения, его механизма и особенностей личности преступника. Однако авторы, как правило, не рассматривают вопрос о степени этого влияния и возможностях определения указанной степени, хотя вопрос не может не вызывать интереса исследователя.

В этой связи представляется целесообразным обращение к работам социальных психологов — в частности, к идеям Т. Шибутани о том, что признание обществом статуса индивида настолько устойчиво, что даже в ситуации, не связанной с выполнением статусных обязанностей, окружающие продолжают относиться к нему так, как заслуживают представители данного статуса. Характерно, что исследователь прежде всего имеет в виду профессиональный статус. То, как социальный статус воспринимается индивидом и аудиторией — социальной группой, значимой для него, обуславливает особенности сознательного поведения данного индивида²¹. Это положение важно постольку, поскольку «в большинстве случаев основой

главного или интегрального статуса, который определяет положение человека в обществе, в группе, является профессионально-должностной статус»²². Иными словами, вступая в социальные взаимодействия, не связанные с реализацией «главного» статуса, индивид тем не менее продолжает восприниматься окружающими прежде всего как его носитель. Поскольку влияние окружающей среды опосредуется психикой индивида, он привыкает к подобному отношению и субъективно оценивает его как должное. Иначе можно сказать, что социальный статус неизбежно проявляется в различных сторонах социального бытия индивида и отражается на его внутренней позиции.

Сходные идеи были высказаны в рамках советской науки социальной психологии Г. А. Асмоловым и А. Н. Леонтьевым. Обосновывая вывод о социальной детерминированности личности, ученые ввели понятие иерархии ее деятельностей: «...если в основе личности лежат отношения соподчиненности видов человеческой деятельности, то основанием для выявления структуры личности должна быть иерархия этих деятельностей»²³. Очевидно, в подобной иерархии вполне можно выделить тот самый «главный» статус, о котором говорил Т. Шибутани. Важно отметить, что эта идея нашла свое отражение в кодексах профессиональной этики: например, регламентируя принципы поведения судьи во внесудебной деятельности и внеслужебных отношениях, законодатель призывает «избегать всего того, что могло бы умалить авторитет судебной власти, вызвать сомнения в ее беспристрастности и справедливости»²⁴.

Значение условий нравственного формирования личности как самостоятельного элемента механизма преступного поведения в теории объясняется тем, что именно личностные нравственные дефекты обуславливают совершение преступления, тогда как одного лишь «нахождения личности в условиях проблемно-конфликтной ситуации, представляющей угрозу ее ведущему мотиву»²⁵, недостаточно для этого.

²⁰ Андреева Г. М. Социальная психология : учебник для высших учебных заведений. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 237.

²¹ Шибутани Т. Указ. соч. С. 185—187.

²² Санникова О. О. Указ. соч. С. 92.

²³ Андреева Г. М. Указ. соч. С. 208—209.

²⁴ Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

²⁵ Тазин И. И. Роль нравственности в индивидуальном механизме преступного поведения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (158). С. 92—95.

4. Влияние социального статуса и роли личности на формирование криминальной мотивации

Однако более отчетливо социальный статус и роль лица проявляют себя применительно к криминальной мотивации. А. Н. Игнатов рассматривает сущность мотива человеческого поведения как одновременно «...побуждение, вызывающее активность организма и определяющее ее направленность, и субъективное отражение потребностей, обусловленное состоянием человека (в том числе и степенью удовлетворения самих потребностей) и сложившейся конкретной жизненной ситуацией»²⁶.

Действительно, если понимать поведение индивида как результат воздействия внешней среды, опосредованного его психикой, то социальные статус и роль следует относить, с одной стороны, к внешним факторам, поскольку их содержание, по сути, образовано совокупностью предписанных статусу правил поведения, и ожиданиями (экспектациями) окружающих, обусловленных статусом. Отсюда социальные взаимодействия индивида предопределяются в конечном итоге сложившимся отношением окружающих к нему как к носителю определенных статусно-ролевых характеристик. Однако такой вывод не объясняет, в частности, факты противоправного использования социального статуса, выходящие за пределы ролевого поведения. В данном случае необходимо понимать статусно-ролевые характеристики и как внутренний фактор, пребывающий в состоянии взаимовлияния с нормативно-ценностной структурной частью личности. Учитывая это, законодатель закрепляет в соответствующих кодексах профессиональной этики ту совокупность нравственных качеств, наличие которых презюмирует факт обладания индивидом конкретным социальным статусом и ролью, например

статусом государственного или муниципального служащего, аудитора, прокурорского работника, сотрудника внутренних дел, работника школы, адвоката, судьи, нотариуса и др.²⁷

В этой связи возникает необходимость исследования взаимосвязи между мотивацией и социальным статусом и ролью личности.

В социологии влияние статусно-ролевых характеристик на мотивационную сферу личности оценивается по-разному. В частности, представители школы символического интеракционизма, объясняя социально значимое поведение индивида, переносят акцент с личностного начала, представленного его потребностями и влечениями, на характер и содержание социального взаимодействия, участником которого он является. Как отмечается, в основе данной идеи «...лежит представление о социальной деятельности как совокупности социальных ролей, которая фиксируется в системе языковых и других символов»²⁸.

В то же время в рамках постнеклассического (универсального) подхода, разрабатываемого В. Г. Немировским и Д. Д. Невирко, использование понятий статуса и роли преследует цель рассмотрения социальной структуры личности как совокупности двух составляющих — субъективной и объективной. Субъективное начало понимается как направленность, характеризующая мотивационную сферу личности: «...отношение личности к окружающей действительности и к самой себе»²⁹. Имеются в виду личностные потребности, установки, ценностные ориентации, идеалы. Что касается объективной составляющей, то именно она представлена социальным статусом и ролью личности. Содержание социальной роли, раскрываясь в ролевых ожиданиях и ролевом поведении, связывается авторами с «...ценностными ориентациями личности и социальными

²⁶ Игнатов А. Н. Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 63—68.

²⁷ См., например: Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением Президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.) (протокол № 21) // Официальные документы в образовании. Декабрь 2011 г. № 36 ; Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17.03.2010 № 114 // Законность. № 6. 2010 ; Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 19.01.2016) // URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 16.06.2019).

²⁸ Немировский В. Г., Невирко Д. Д. Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. М., 2008. С. 17.

²⁹ Немировский В. Г., Невирко Д. Д. Указ. соч. С. 118.

нормами, регулирующими ее деятельность в самых различных областях социальной жизни...»³⁰. Как видим, поведение индивида предполагается соответствующим как внутренней, субъективной составляющей структуры личности — потребностям и ценностным ориентирам, так и внешней, объективной — правилам различной степени формализованности. Подобного объяснения генезиса поведенческих актов индивида, в том числе преступных актов, придерживается большая часть исследователей проблемы преступного поведения, его детерминированности и механизма, о чем будет сказано ниже.

В литературе «истoki» формирования криминальной мотивации связываются, как правило, с потребностями личности³¹. Вместе с тем К. Корсаков предлагает рассматривать мотив преступного поведения как «одну из форм преломления факторов преступного поведения, являющихся объективными и коренящимися в сложившихся общественных отношениях, в сознании носителя данных отношений — индивида»³². Исследователем так же отмечается значение внешнего воздействия для формирования преступной цели³³.

Учитывая, что характер и содержание социальных взаимодействий, участником которых является индивид, предопределяются его социальным статусом и ролью, криминальная мотивация выступает результатом «преломления» этого воздействия в сознании индивида. Аналогичную мысль высказывает А. Н. Пастушеня, подчеркивающий влияние социальной роли, которую выполняет субъект в ситуации, связанной с совершением преступного деяния, на его поведение. Суть этого влияния сводится к актуализации «определенных поведенческих социально-ролевых установок», соответствующих

выполняемой социальной роли, которые «преломляют отражательно-регулятивные процессы». Именно «под их влиянием субъект оценивает внешние условия, испытывает побуждения и принимает решения, ориентируясь на свое ролевое положение и связанные с ним обязанности, ожидания присутствующих, усвоенные принципы и правила ролевого поведения»³⁴. Как отмечает В. В. Лунеев, «...мотивационная сфера, представляющая иерархическую структуру потребностей, сама является отражением иерархии объективных общественных отношений, связей и ролей субъекта»³⁵. Учитывая идеи А. Г. Асмолова и А. Н. Леонтьева об иерархии деятельностей личности и Т. Шибутани о «главном» статусе в иерархии статусов личности, можно сделать вывод о том, что ценности и убеждения, сопряженные с занятием данного статуса, имеют существенное влияние на формирование личности его носителя, на его ценностно-нормативную сферу, круг потребностей, что связывается с формированием криминальной мотивации. Определенную роль в этом процессе играет конкретная жизненная ситуация, используемая в криминологической теории для обозначения сегмента микросреды, в котором непосредственно происходит совершение преступления, — это «и очевидцы, и потерпевшие, и условия, в которых совершено преступление, и т.д.»³⁶.

5. Социальный статус и роль личности как характеристики конкретной жизненной ситуации

Значение конкретной жизненной ситуации в некоторых исследованиях определяется как решающее в силу влияния на формирование и последующую реализацию криминальной мо-

³⁰ Немировский В. Г., Невирко Д. Д. Указ. соч. С. 114.

³¹ См., например: Игнатов А. Н. О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6—7. С. 126—132 ; Тазин И. И. Роль психической зависимости в индивидуальном механизме преступления // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (146). С. 134—139.

³² Корсаков К. Новая эпистема в механизме индивидуального преступного поведения // Бизнес, менеджмент и право. 2014. № 1 (29). С. 82—84.

³³ Корсаков К. Новая эпистема в механизме индивидуального преступного поведения. С. 82—84.

³⁴ Пастушеня А. Н. Психологический механизм преступного поведения: системно-функциональный анализ // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 27—38.

³⁵ Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. М. : Наука, 1991. С. 156.

³⁶ Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. С. 8.

тивации личности. Так, В. А. Плешаков отмечает, что «...именно ситуация раскрывает основной механизм совершения преступления, выявляет факторы, которые способствовали принятию преступником решения о совершении данного преступления»³⁷. Вместе с тем другая часть авторов склонна в связке «личность — ситуация» ставить акцент именно на личности преступника. Так, согласно Г. А. Аванесову, «недопустимо видеть в человеке единственную причину преступления. Допустимо, однако, акцентировать внимание на человеке»³⁸. По мысли Ю. М. Антоняна и Г. Г. Беликовой, «поведение человека всегда порождается личностью, а не ситуацией... От личности зависит, как она отражает ситуацию и какие действия предпринимает; сама личность ответственна за тот вариант поведения, который избирает»³⁹.

Подчеркивая значение личностного начала для содержания и характера общественно значимой деятельности индивида, социальная психология использует понятие интернализации (усвоения) социальной роли, что «определяется целым рядом индивидуальных психологических особенностей каждого конкретного носителя данной роли. Поэтому общественные отношения хотя и являются по своей сущности ролевыми, безличными отношениями, в действительности, в своем конкретном проявлении приобретают определенную “личностную окраску”»⁴⁰.

Содержание конкретной жизненной ситуации в механизме преступного поведения в контексте статусно-ролевой теории представлено формализованными и неформализованными статусными возможностями лица, а также его социально значимыми взаимодействиями, регулируемые набором ролевых требований и экспектаций. «Неформальный» характер некоторых возможностей, которые вытекают из конкретного социального статуса, связан с тем, что их формализация невозможна ввиду тесной связи с личностными особенностями субъекта.

Проявляясь в деятельности индивида, данные возможности выходят из поля правового регулирования, однако влияют и на содержание, и на результат социальных взаимодействий. Примерами подобных неформализованных возможностей являются профессиональная солидарность, неформальные связи, способность воздействовать на правоприменительный процесс и его участников и т.д.

Понятием конкретной жизненной ситуации охватывается также и поведение жертвы, которое «часто служит поводом для совершения преступления, создает криминогенную ситуацию или является обстоятельством, облегчающим его совершение»⁴¹. Несмотря на разнообразие социальных статусов и ролей, выступающих признаками специального субъекта преступления, для абсолютного их большинства характерна возможность определенным образом влиять на поведение потерпевшего, обусловленная статусным положением лица. При этом данная возможность, как правило, является формализованной, поскольку реализуется на основе соответствующих нормативных актов — от законов до должностных инструкций. Вместе с тем обозначенные выше неформальные способы воздействия — авторитет, «нужные» знакомства («связи») — также следует учитывать, характеризуя взаимодействие преступника и потерпевшего в подобных преступлениях. В одной из своих работ автор для определения такого взаимодействия использовал термин «зависимость»⁴². Зависимое положение потерпевшего и возможность определяющим образом воздействовать на его поведение, вытекающая из социального статуса виновного, являются еще одним фактором, обуславливающим криминогенный характер конкретной жизненной ситуации, в которой совершается преступление.

Вместе с тем опасно переоценивать значение данного элемента в механизме преступного поведения. Авторы, занимавшиеся в разное

³⁷ Плешаков В. А. Указ. соч. С. 100—106.

³⁸ Аванесов Г. А. Криминологическая детерминация и причинность преступлений как взаимодействие личности преступника и социальной среды // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 12. С. 37—43.

³⁹ Антонян Ю. М., Беликова Г. Г. Криминологическая оценка взаимодействия личности и ситуации // Криминологический журнал. 2007. № 1. С. 19.

⁴⁰ Андреева Г. М. Указ. соч. С. 55.

⁴¹ Воронин Ю. А. Введение в криминологию : курс лекций. М., 2008. С. 92.

⁴² Караваева Ю. С. Об общественной опасности личности преступника // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 3 (50). С. 52—55.

время изучением вопросов детерминации преступности, механизма преступления и индивидуального преступного поведения, личности преступника, неизбежно приходили к выводу о взаимодействии и взаимовлиянии личностных особенностей и внешних факторов, вызывающих совершение преступления. Как верно обращает внимание В. А. Номоконов, «субъективное значение ситуации зависит от взглядов, установок, ценностных ориентаций человека, другими словами, от нравственного «ядра» личности»⁴³. К этому же выводу приходит А. Р. Ратинов: «Интегральная оценка личности и ситуации с точки зрения криминогенности позволяет представить их взаимодействие как взаимное подкрепление, усиление либо ослабление, погашение друг друга»⁴⁴. Аналогичной позиции придерживаются и другие ученые⁴⁵.

С учетом указанного и специфика ценностно-нормативной сферы личности (социально-психологической или мотивационной сферы⁴⁶), и конкретная жизненная ситуация, в том числе криминогенные социальные статус и роль, только во взаимодействии предопределяют факт совершения преступления и позволяют спрогнозировать продолжение преступной деятельности. Это также означает, что наличие у лица определенного социального статуса, роли и всех вытекающих из них возможностей не может однозначно предопределять их преступное использование лицом. Однако в любом случае необходимо выяснять степень обусловленности преступного деяния спецификой конкретной жизненной ситуации.

В этой связи интересен следующий пример из судебной практики: главный врач учреждения здравоохранения Б., используя служебное положение, израсходовал целевые средства государственного внебюджетного фонда обязательного медицинского страхования на ремонт помещений поликлиники, техническое обслуживание пожарной автосигнализации и другие

хозяйственные нужды учреждения. Обозначенные действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 285.2 «Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов» УК РФ, однако на вынужденный характер допущенного должностного злоупотребления указал свидетель В., находящийся на должности заместителя директора Департамента здравоохранения городской администрации: «Главные врачи ввиду недостаточности финансирования используют средства обязательного медицинского страхования не по целевому назначению на свой страх и риск»⁴⁷.

Аналогичным представляется уголовное дело в отношении начальника домоуправления Г., злоупотребившего должностными полномочиями путем оформления фиктивного факта трудоустройства работников с последующим начислением заработной платы и выплатой ее сторонним лицам, которые фактически выполняли соответствующие трудовые обязанности. Вынужденный характер совершенных действий следует из того установленного в ходе расследования обстоятельства, что в результате указанных действий «была налажена работа в домоуправлении по обслуживанию вверенного Г. жилищного комплекса...»⁴⁸.

В каждом из приведенных примеров личность преступника, исходя из материалов уголовного дела, характеризуется положительно, чему по большому счету не противоречит цель, общая для совершенных преступлений, — выполнение возложенных в связи с занимаемой должностью задач. Конкретная жизненная ситуация в обоих случаях характеризуется, с одной стороны, нехваткой ресурсов для их правомерного выполнения, а с другой — наличием статусно-ролевых возможностей, позволяющих изыскивать необходимые средства и распоряжаться ими, в том числе — с нарушением закона. И хотя, как отмечает Г. А. Аванесов, «во взаимосвязи личности и среды трудно конкрет-

⁴³ Номоконов В. А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. Владивосток, 1989. С. 26.

⁴⁴ Ратинов А. Р. Личность преступника как объект психологического исследования : сб. науч. тр. М., 1979. С. 3—33.

⁴⁵ См., например: Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. С. 4 ; Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 39 ; Симоненко А. В. Указ. соч. С. 58—62 ; Пастушеня А. Н. Указ. соч. С. 27—38.

⁴⁶ Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. М., 2011. Т. 1 : Общая часть. С. 634—642.

⁴⁷ Архив Центрального районного суда г. Омска за 2010 г. Уголовное дело № 1-396/2010.

⁴⁸ Архив Центрального районного суда г. Омска за 2011 г. Уголовное дело № 1-20/2011.

но определить сугубо личностное, так же и то, что касается конкретно среды»⁴⁹, отсутствие у виновных социального статуса, сопряженного с административно-распорядительными полномочиями, исключает саму возможность посягательства на охраняемые общественные отношения, участниками которых они в силу этого статуса являются⁵⁰. Этот же автор подчеркивает, что «преступление есть в конечном счете результат реагирования личности на соответствующую ситуацию»⁵¹, что еще раз подтверждает тезис о возможности криминогенного влияния статусно-ролевых характеристик на поведение личности, но не умаляет справедливости суждения о взаимодействии ее искаженной ценностно-нормативной сферы и среды. Вместе с тем автору хочется акцентировать внимание именно на статусно-ролевых характеристиках личности, которые оказывают влияние на формирование дефектов нормативно-ценностной сферы и одновременно создают возможности для реализации возникающих «дефективных» потребностей.

С учетом указанного взаимовлияние дефективной ценностно-нормативной сферы личности и ее уголовно значимых статусно-ролевых признаков лежит в основе принятия субъектом решения о совершении преступления. Специфика же самого преступного поведенческого акта как последнего элемента механизма преступного поведения раскрыта в работах С. С. Аветисяна, А. А. Тер-Акопова и В. Н. Кудрявцева, в которых нарушение общественных отношений их участником рассматривается как способ посягательства на уголовно охраняемый объект⁵².

6. Выводы

Таким образом, использование статусно-ролевой теории, разработанной в социологии, для целей изучения механизма умышленного преступного поведения позволяет представить его как совершение субъектом, занимающим

определенный уголовно значимый социальный статус, таких действий (бездействия), которые не соответствуют ролевым требованиям — как формализованным, так и неформализованным, и ожиданиям — ролевым ожиданиям. Действительно, зачастую статусно-ролевые возможности лица как участника определенных социальных взаимодействий позволяют ему на эти общественные отношения посягать — в этом заключается механизм преступления со специальным субъектом. Место социального статуса и роли в этом механизме характеризуется тем, что они выступают необходимыми условиями (факторами) совершения такого деяния, поскольку оказывают влияние на ценностно-нормативную сферу личности, на формирование криминальной мотивации, характеризуют конкретную жизненную ситуацию и сам процесс совершения преступления. Однако при всем своем значении статусно-ролевые особенности личности, естественно, не могут быть признаны причиной преступного поведения и наступивших противоправных последствий. Наступление последних требует наличия у специального субъекта таких личностных характеристик, которые бы позволили ему совершить это деяние. Интересен тот факт, что эти личностные характеристики формируются в том числе с учетом занятия какого-либо социального статуса и выполнения соответствующей социальной роли (попытка обоснования чего была предпринята автором работы). Иными словами, сам по себе механизм преступного поведения лица, использующего свой социальный статус и роль в противоправных целях, отражает сложную природу взаимосвязей и взаимовлияния указанных характеристик с ценностно-нормативной сферой личности. Так, с одной стороны, формирование последней испытывает на себе влияние той деятельности, которую осуществляет индивид в рамках занимаемого «главного» социального статуса и роли, а с другой — особенности ценностно-нормативной сферы отражаются на личностном отношении к указанной деятельности и ее осуществлению.

⁴⁹ Аванесов Г. А. Указ. соч. С. 37—43.

⁵⁰ Аванесов Г. А. Указ. соч. С. 37—43.

⁵¹ Аванесов Г. А. Указ. соч. С. 37—43.

⁵² Аветисян С. С. Соучастие в преступлениях со специальным составом: теория и практика правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005 ; Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003 ; Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 149.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аванесов Г. А. Криминологическая детерминация и причинность преступлений как взаимодействие личности преступника и социальной среды // Вестник Московского университета МВД России. — 2009. — № 12. — С. 37—43.
2. Аветисян С. С. Соучастие в преступлениях со специальным составом: теория и практика правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — 498 с.
3. Ананьев Б. Г., Палей И. М. О психологической структуре личности // Проблемы личности. — М., 1969. — С. 39—50.
4. Андреева Г. М. Социальная психология : учебник для высших учебных заведений. — М. : Аспект Пресс, 2001. — 290 с.
5. Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. — М., 1973. — 71 с.
6. Антонян Ю. М., Беликова Г. Г. Криминологическая оценка взаимодействия личности и ситуации // Криминологический журнал. — 2007. — № 1.
7. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. — М., 1996. — 336 с.
8. Варыгин А. Особенности воздействия на преступность сотрудников органов внутренних дел // Уголовное право. — 2003. — № 3. — С. 123—125.
9. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. — 1994. — № 5. — С. 171—173.
10. Воронин Ю. А. Введение в криминологию : курс лекций. — М., 2008. — 250 с.
11. Желтов В. В. История западной социологии: этапы, идеи, школы : учеб. пособие. — М., 2010. — 862 с.
12. Игнатов А. Н. Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения // Общество и право. — 2015. — № 1 (51). — С. 63—68.
13. Игнатов А. Н. О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2017. — № 6—7. — С. 126—132.
14. Караваяева Ю. С. Об общественной опасности личности преступника // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2012. — № 3 (50). — С. 52—55.
15. Караваяева Ю. С. Специальный субъект преступления: криминологический правовой анализ. — Пермь, 2018. — 193 с.
16. Корсаков К. Новая эпистема в механизме индивидуального преступного поведения // Бизнес, менеджмент и право. — 2014. — № 1 (29). — С. 82—84.
17. Криминология. — М. : Изд-во МГУ, 1994. — 415 с.
18. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. — М., 1960. — 244 с.
19. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения). — М. : Юрид. лит., 1968. — 176 с.
20. Линтон Р. Культурные основания личности // Антология исследований культуры. Символическое поле культуры / сост. Л. А. Мостова; пер. Е. М. Галахова [и др.] — М., 2011. — 381 с.
21. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. — М. : Наука, 1991. — 382 с.
22. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. Т. I: Общая часть. — М., 2011. — 1002 с.
23. Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренькова. — М., 1994. — С. 217—218.
24. Немировский В. Г., Невирко Д. Д. Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. — М., 2008. — 304 с.
25. Номоконов В. А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. — Владивосток, 1989. — 160 с.
26. Номоконов В. А. Преступное поведение: механизм детерминации, причины, ответственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1991. — 36 с.
27. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. С. А. Белановского, В. Ф. Чесноковой. — М., 2002. — 830 с.
28. Парсонс Т. О структуре социального действия. — М., 2002. — 880 с.
29. Пастушеня А. Н. Психологический механизм преступного поведения: системно-функциональный анализ // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 27—38.

30. Плешаков В. А. Введение в криминологическую теорию ситуацию, или в ситуационную криминологию // Человек: преступление и наказание. — 2012. — № 1 (76). — С. 100—106.
31. Ратинов А. Р. Личность преступника как объект психологического исследования : сб. науч. трудов. — М., 1979. — С. 3—33.
32. Романова Н. П. Социальный статус как интегративный показатель положения человека в обществе: гендерный аспект // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2009. — № 3. — С. 132—138.
33. Санникова О. О. Трансформация социальных статусов и ролей в обществе постмодерна : дис. ... канд. социол. наук. — М., 2006. — 173 с.
34. Симоненко А. В. Система ценностных ориентаций в механизме преступного поведения личности // Вестник Волгоградской Академии МВД России. — 2012. — № 1 (20). — С. 58—62.
35. Тазин И. И. Роль нравственности в индивидуальном механизме преступного поведения // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2015. — № 5 (158). — С. 92—95.
36. Тазин И. И. Роль психической зависимости в индивидуальном механизме преступления // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — № 5 (146). — С. 134—139.
37. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. — М., 2003. — 480 с.
38. Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В. Б. Ольшанского. — Ростов н/Д, 1999. — 544 с.

Материал поступил в редакцию 19 февраля 2019 г.

REFERENCES

1. Avanesov GA. Kriminologicheskaya determinatsiya i prichinnost prestupleniy kak vzaimodeystvie lichnosti prestupnika i sotsialnoy sredy [Criminological determination and causality of crimes as interaction of criminal personality and social environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2009;12:37—43. (In Russ.)
2. Avetisyan SS. Souchastie v prestupleniyakh so spetsialnym sostavom: teoriya i praktika pravovogo regulirovaniya : teoriya i praktika pravovogo regulirovaniya :dis. ... d-ra yurid. nauk [Complicity in crimes with specific elements : The theory and practice of legal regulation: Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2005. (In Russ.)
3. Ananiev BG, Paley IM. O psikhologicheskoy strukture lichnosti [About psychological structure of personality]. In: *Problemy lichnosti [Problems of personality]*. Moscow; 1969 . (In Russ.)
4. Andreeva GM. Sotsialnaya psikhologiya : uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy [Social psychology : A textbook for higher educational institutions]. Moscow: Aspekt Press Publishing; 2001. (In Russ.)
5. Antonyan YuM. Rol konkretnoy zhiznennoy situatsii v sovershenii prestupleniya [The role of a specific life situation in the commission of a crime]. Moscow; 1973. (In Russ.)
6. Antonyan YuM, Belikova GG. kriminologicheskaya otsenka vzaimodeystviya lichnosti i situatsii [Criminological assessment of interaction between personality and situation] . *Kriminologicheskii zhurnal [Criminological Journal]*. 2007;1. (In Russ.)
7. Antonyan YuM, Enikeev MI, Eminov VE. Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestupleniy [Psychology of the criminal and investigation of crimes]. Moscow; 1996. (In Russ.)
8. Varygin A. Osobennosti vozdeystviya na prestupnost sotrudnikov organov vnutrennikh del [Peculiarities of influence on crime of officers of law-enforcement bodies]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2003;3:123—125. (In Russ.)
9. Weber M. Osnovnye ponyatiya stratifikatsii [Basic concepts of stratification]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. 1994;5:171—173 . (In Russ.)
10. Voronin YuA. Vvedenie v kriminologiyu : kurs lektsiy [Introduction to Criminology: A lecture course]. Moscow; 2008. (In Russ.)
11. Zheltov VV. Istoriya zapadnoy sotsiologii: etapy, idei, shkoly : ucheb. posobie [History of Western Sociology: stages, ideas, schools: A study guide]. Moscow; 2010. (In Russ.)
12. Ignatov AN. Strast kak fundamentalnaya sostavlyayushchaya motiva prestupnogo povedeniya [Passion as a fundamental component of the motive of criminal behavior]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*. 2015;1(51): 63—68 (In Russ.).

13. Ignatov AN. O kategoriakh «mekhanizm prestupnogo povedeniya», «mekhanizm prestupleniya» i «mekhanizm soversheniya prestupleniya» [On the categories of “mechanism of criminal behavior”, “mechanism of crime” and “mechanism of commission of crime”]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Social-Economic and Social Sciences]. 2017;6—7:126—132. (In Russ.)
14. Karavaeva YuS. Ob obshchestvennoy opasnosti lichnosti prestupnika [About social danger of the personality of the criminal]. *Psihopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogics in Law Enforcement]. 2012;3(50):52—55. (In Russ.)
15. Karavaeva YuS. Spetsialnyy subekt prestupleniya: kriminologo-pravovoy analiz [The Special Subject of the Crime : criminological-legal analysis]. Perm; 2018. (In Russ.)
16. Korsakov K. Novaya epistema v mekhanizme individualnogo prestupnogo povedeniya [A new episteme in the mechanism of individual criminal behaviour]. *Biznes, menedzhment i pravo* [Business, Management and Law]. 2014;1(29):82—84. (In Russ.)
17. Kriminologiya [Criminology]. Moscow: Moscow State University Publishing House; 1994. (In Russ.)
18. Kudryavtsev VN. Obektivnaya storona prestupleniya [Mens rea [sic] (the objective side) of the crime]. Moscow; 1960. (In Russ.)
19. Kudryavtsev VN. Prichinnost v kriminologii (o strukture individualnogo prestupnogo povedeniya) [Causality in criminology (On the structure of individual criminal behavior)]. Moscow: Yurid. lit. Publishing; 1968. (In Russ.)
20. Linton R. Kulturnye osnovaniya lichnosti [Cultural Foundations of Personality]. In: Mostova LA. Antologiya issledovaniy kultury. Simvolicheskoe pole kultury [Anthology of Cultural Research. A symbolic field of culture]. Trans. by Galakhova EM, et al. Moscow; 2011. (In Russ.)
21. Luneev VV. Motivatsiya prestupnogo povedeniya [Motivation of criminal behavior]. Moscow: Nauka Publishing; 1991. (In Russ.)
22. Luneev VV. Kurs mirovoy i rossiyskoy kriminologii : uchebnik : v 2 t. t. I: obshchaya chast [A Course of World and Russian Criminology: A textbook: in 2 vols. Vol. I. General part]. Moscow; 2011. (In Russ.)
23. Mid J. Ot zhesta k simvolu [From gesture to symbol]. In: Dobrenkov VI. Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl [American sociological thought.]. Moscow; 1994. (In Russ.)
24. Nemirovsky VG, Nevirko DD. Sotsiologiya cheloveka: ot klassicheskikh k postneklassicheskim podkhodam [Human Sociology : from classical to postnonclassical approaches]. Moscow; 2008. (In Russ.)
25. Nomokononov VA. Prestupnoe povedenie: mekhanizm determinatsii, prichiny, otvetstvennost : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Criminal conduct: determinism and responsibility]. Vladivostok; 1989. (In Russ.)
26. Nomokononov VA. Prestupnoe povedenie: mekhanizm determinatsii, prichiny, otvetstvennost : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Criminal conduct: determination mechanism, causes, responsibility: Author's Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 1991. (In Russ.)
27. Parsons T. O sotsialnykh sistemakh [On social systems]. Belanovskiy SA, Chesnokova VF, editors. Moscow; 2002. (In Russ.)
28. Parsons T. o strukture sotsialnogo deystviya [On the structure of social action]. Moscow; 2002. (In Russ.)
29. Pastushenya AN. Psikhologicheskii mekhanizm prestupnogo povedeniya: sistemno-funktsionalnyy analiz [Psychological mechanism of criminal behavior : A system-functional analysis]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. 2011;1:27—38. (In Russ.)
30. Pleshakov VA. Vvedenie v kriminologicheskuyu teoriyu situatsiyu, ili v situatsionnuyu kriminologiyu [Introduction to criminological theory of the situation, or to situational criminology]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 2012;1(76):100—106. (In Russ.)
31. Ratinov AR. Lichnost prestupnika kak obekt psikhologicheskogo issledovaniya : sb. nauch. trudov [Personality of the offender as an object of psychological research : collection of scientific works]. Moscow; 1979. (In Russ.)
32. Romanova NP. Sotsialnyy status kak integrativnyy pokazatel polozheniya cheloveka v obshchestve: gendernyy aspekt [Social status as an integrative indicator of a person's position in society : A gender aspect]. *Vestnik zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009;3:132—138. (in Russ.)
33. Sannikova OO. Transformatsiya sotsialnykh statusov i roley v obshchestve postmoderna : dis. ... kand. sotsiol. nauk [Transformation of social statuses and roles in postmodern society : Cand. Sci. (Sociology) Thesis]. Moscow; 2006. (In Russ.)
34. Simonenko AV. Sistema tsennostnykh orientatsiy v mekhanizme prestupnogo povedeniya lichnosti [A system of value orientations in the mechanism of criminal behavior of the individual]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 2012;1(20):58—62. (In Russ.)

35. Tazin II. Rol npravstvennosti v individualnom mekhanizme prestupnogo povedeniya [The role of morality in the individual mechanism of criminal behavior]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2015;5(158):92—95. (In Russ.)
36. Tazin II. Rol psikhicheskoy zavisimosti v individualnom mekhanizme prestupleniya [The role of mental dependence in individual mechanism of crime]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2014;5(146):34—139. (In Russ.)
37. Ter-Akopov AA. Prestuplenie i problemy nefizicheskoy prichinnosti v ugovnom prave [A crime and problems of non-physical causation in criminal law]. Moscow; 2003. (In Russ.)
38. Shibutani T. Sotsialnaya psikhologiya [Social psychology]. Transl. from English by Olshanskiy VB. Rostov-on-Don; 1999. (In Russ.)